

Эрнст Генри

НЕЗРИМОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО США

1

С приходом к власти нынешнего президента США стало еще очевиднее, что важнейшие решения американского правительства готовятся и принимаются не министрами, не конгрессом и не центральным комитетом правящей республиканской партии, а закрытым органом в Вашингтоне, именуемым Советом национальной безопасности (СНБ). Без предварительного согласования с этой организацией Белый дом не делает ни одного важного шага.

О создании СНБ в Вашингтоне было объявлено летом 1947 года, в разгар «холодной войны». В официальном сообщении указывалось, что СНБ будет «консультировать президента по вопросам координирования внутренней, внешней и военной политики под углом зрения национальной безопасности»¹. Совет переходил в подчинение к самому президенту, становившемуся его председателем; пост заместителя председателя предоставлялся вице-президенту США.

Местопребыванием Совета был Белый дом. В его состав в качестве обязательных членов включались государственный секретарь, министр обороны и глава Управления оборонной мобилизации (названного позднее Управлением по планированию чрезвычайного положения). Помимо того в СНБ кооптировались глава разведки, глава Комитета начальников штабов, председатель Комиссии по атомной энергии и директор Бюджетного управления (ныне Административного и бюджетного управления) при президенте. Время от времени привлекались и другие сановники, занимавшие ключевые внешнеполитические или военные посты в Белом доме.

За исключением двух-трех избранных министров все остальные члены официального правительства к членству в СНБ допущены не были. При президенте Эйзенхауэре должность фактического руководителя Совета стала совмещаться с должностью спе-

циального помощника президента по вопросам национальной безопасности. Этот распорядитель СНБ, таким образом, не подчинялся уже никому, кроме главы государства.

Постепенно выяснилось, что в руках СНБ сосредоточиваются главные рычаги большой государственной политики. В прямое или косвенное подчинение к нему переходили не только вооруженные силы, дипломатия и разведка, но и ряд других важнейших ведомств. Теми или иными нитями с ним связывались государственное атомное управление (Комиссия по атомной энергии), Управление по научно-техническим исследованиям, впоследствии также Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства (НАСА). Вскоре в СНБ влилось и Управление по психологической войне — правительственное агентство по распространению антикоммунистической пропаганды (ныне УМС). Для согласованного проведения инструкций СНБ по отдельным ведомствам в 1953 году было создано Управление по координации операций, во главе которого был поставлен заместитель государственного секретаря. По тем же инструкциям отныне действовал отдел планирования политики в государственном департаменте. Глава этого отдела в 1961—1966 годах Уолт Ростоу стал в 1966 году предшественником Киссинджера на посту руководителя СНБ. Судя по всему, обе организации с этого времени фактически представляют собой единое целое. Брат Уолта Ростоу Юджин — в настоящее время один из руководителей так называемого «Комитета по существующей опасности» в Вашингтоне, уже годами ведущего яркую антисоветскую кампанию. Сугубо секретному подотделу под названием «Особой группы» было поручено заниматься вопросами разведки¹.

¹ В декабре 1975 года при СНБ был создан «Комитет по зарубежной разведке» во главе с вице-президентом крупного нью-йоркского банка «Братьев Лазаров» Р. Эллоуортом («Зарубежное военное обозрение», М., 1976, № 7, с. 108).

¹ U. S. Government Organisation Manual, Washington, 1969—1970, p. 61.

В последующие годы подтвердилось, что Совет национальной безопасности превратился в подлинный правительственный центр. Например, только за два года — 1953—1954 — 579 решений президента (тогда Эйзенхауэра) были приняты на заседаниях СНБ. «Сфера деятельности Совета национальной безопасности, — писал орган американских деловых кругов «Бизнес уик» 25 августа 1953 года, — охватывает все отрасли работы федерального правительства, начиная от военных вопросов и кончая атомной энергией, экономической помощью (иностранным государствам. — Э. Г.) и психологической войной. Короче говоря, Совет национальной безопасности становится главным «мозговым центром» при президенте... Его деятельность может охватывать даже внутреннюю политику». В штаб СНБ были привлечены отборные специалисты по внешнеполитическим и военным вопросам. В американской печати Совет прямо назывался «святая святых» вашингтонского правительства.

Но самое характерное заключалось в том, что этот новый всемогущий орган, не предусмотренный традиционным американским законодательством, не нес никакой ответственности перед конституционными учреждениями страны; ни перед палатой представителей, ни перед сенатом, ни перед самим кабинетом. Подчиняясь непосредственно президенту, СНБ фактически стоял над кабинетом. Уже в те годы не было секретом, что отдельные министры побаивались руководителя имми специального помощника президента: он командовал ими.

Более того, практика показала, что волю СНБ, действовавшего за плотно закрытыми дверями, выполнял и сам президент, особенно если он не обладал большим опытом в международных делах. Решения Совета национальной безопасности считались решениями последней инстанции, подготавливались же они тем же специальным помощником президента.

За первые 22 года существования СНБ на этом посту побывало пять человек¹, каждый из них — прямой, хотя и замаскированный уполномоченный высшей монополистической знати.

Первым оказался известный адвокат по делам корпораций Роберт Катлер — многолетний председатель правления крупного бостонского банка «Фэрст нейшл оф Бостон». Никакого отношения к государственной службе Катлер до этого не имел, даже рядовым членом конгресса никогда не числился. Тем не менее он был

назначен на один из самых ответственных государственных постов после постов президента и вице-президента. Дело было, очевидно, в его особых квалификациях в другой сфере. Именно бостонская группа в свое время считалась одной из главных вдохновительниц американского колониализма, в частности в странах Латинской Америки. Впоследствии интересы бостонской группы тесно переплелись с интересами Рокфеллеров и Морганов, и Катлер стал одним из связных между теми и другими. В то же время, имея чин генерала, он считался крупным специалистом по «психологической войне».

В 1955 году его в СНБ сменил техасский адвокат — опять-таки не государственный чиновник — Диллон Андерсон, впоследствии директор связанной с теми же Рокфеллерами и Морганями крупнейшей монополии по производству электротехнического оборудования «Вестингауз электрик корпорейшн» и контролируемого ими же атомно-химического концерна «Монсанта компани». Юридическая фирма Андерсона обслуживала техасских миллионеров. Позднее он стал главой правления банка «Тексас нейшл банк», близкого к тем же кругам.

В 1958 году, все еще при Эйзенхауэре, распорядителем Совета стал третий адвокат корпораций — Гордон Грей, бывший военный министр, начавший свою карьеру в одной из обслуживающих Рокфеллеров юридических контор, а затем участвовавший в правлении компании «Трансамерика корпорейшн», контролируемой калифорнийским «Банк оф Америка». Грей был также директором вашингтонского банка «Америкен секюрити энд траст компани», где заседал вместе с бывшим начальником отдела планирования в государственном департаменте и помощником министра обороны Полем Нитце.

Президент Кеннеди назначил распорядителем СНБ профессора Гарвардского университета Макджорджа Банди — выдвиженца бывшего государственного секретаря, непримиримого сторонника «холодной войны» Дина Ачесона. В частной жизни Ачесон был компаньоном вашингтонской адвокатской фирмы «Ковингтон энд Барлинг» — юрисконсультом банка Морганов «Морган гарантис траст компани», а также некоторых рокфеллеровских компаний. В ту же адвокатскую фирму «Ковингтон энд Барлинг» входил в свое время и брат Макджорджа Банди, зять Ачесона Уильям П. Банди. Семья эта давно принадлежала к кругам, поддерживающим две главные олигархические группы США. В 60-е годы она включилась в окружение и третьей. Выйдя в 1966 году в отставку, М. Банди стал президентом «Фонда Фордов» — организации, располагающей капиталом в 800 миллионов долларов. По утверждению известного американского журналиста

¹ До 1953 года, при Трумэне, особого помощника президента по вопросам национальной безопасности и, следовательно, политического руководителя СНБ не было, был лишь «исполнительный секретарь».

Стюарта Олсопа, Банди во время «карибского кризиса» осенью 1962 года был сторонником применения самых крайних мер против Кубы.

При президенте Джонсоне Макджорджа Банди на некоторое время сменил его заместитель, ныне профессор экономической истории Техасского университета Уолт У. Росту, брат Юджина Росту — теперь председателя исполнительного комитета антисоветского «Комитета по существующей опасности» в Вашингтоне. В 1977 году Ю. Росту заявил на страницах «Нью-Йорк таймс»: «Мы живем в предвоенном, а не в послевоенном мире». Семья Росту когда-то эмигрировала из России.

На первый взгляд, все эти кормчие американского государственного корабля рекрутировались в основном из четырех контингентов: профессиональных дельцов, ученых-технократов, деятелей разведки и военных. Больше всего было лиц первой категории. Но под той или иной маской все они представляли правящую олигархию. Ее люди сидят не только в СНБ, но во всех узлах государственного управления, и более или менее важные действия совершаются втайне. Но это было только начало.

Американские журналисты Д. Уэйз и Т. Росс писали в те дни в буржуазном журнале «Лук»: «В настоящее время в Соединенных Штатах имеются два правительства — одно видимое и другое невидимое. Первое — это правительство, о котором граждане читают в своих газетах и которое дети изучают по своим учебникам. Второе — невидимое правительство, которое занимается сбором разведывательной информации и шпионажем, которое планирует и осуществляет секретные операции на всем земном шаре... Важные решения, касающиеся мира и войны, принимаются невидимо для общественности. Осведомленные граждане имеют основание подозревать, что внешняя политика Соединенных Штатов часто публично действует в одном направлении, а тайно, через невидимое правительство, в противоположном.

Разведывательная сеть выросла в широкий, скрытый от глаз аппарат, в котором работает около 200 тысяч человек и который расходует несколько миллиардов долларов в год. Из-за своих огромных расходов и всеохватывающей секретности невидимое правительство стало неизбежным объектом подозрений и критики... Американский народ фактически ничего не знает о невидимом правительстве. Личный состав работников этого правительства засекречен. Его деятельность сверхсекретна. Его бюджет скрыт в других ассигнованиях. Предполагается, что небольшая группа конгрессменов информируется о невидимом правительстве, но фактически они мало что знают о его деятельности».

2

Так было еще при Трумэне, Кеннеди и Джонсоне, президентах от демократической партии, а также при республиканце Эйзенхауэре. Но настоящий рост могущества Совета национальной безопасности начался с того момента, как в Белый дом вступил уполномоченный правого крыла республиканской партии Ричард Никсон — с 1969 года.

Руководителем СНБ был назначен доверенный человек Рокфеллеров Генри Киссинджер. Аппарат учреждения был сразу «чрезвычайно расширен». Один из сотрудников Белого дома заявил в 1969 году в журнале «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт»: «Президент (Никсон. — Э. Г.) создал свою собственную организацию для планирования политики и контроля над операциями под руководством Г. Киссинджера... Если мы не расчистили государственственный департамент, то по крайней мере мы не очень пользуемся его аппаратом». Машина американской дипломатии и руководства военными делами была перемещена.

Этим, однако, реорганизация аппарата высшей государственной власти в США не ограничилась. Следующий важный шаг был предпринят тогда же, в конце 60-х годов. В апреле 1969 года Никсоном был учрежден специальный Совет по вопросам исполнительной власти. Совету поручалось «основательно рассмотреть» организацию этой власти с целью сделать ее «более эффективным инструментом общественной политики». Состав Совета вызвал в кругах американской общественности некоторое удивление. Все пять его членов прямым образом представляли большой бизнес; конгресс опять-таки оказывался ни при чем. Главой Совета назначался «старый друг» Никсона, известный военный монополист из Калифорнии Рой Л. Эш, «лучший менеджер США». Этим Советом и была подана идея дальнейшего перемещения ключевого аппарата власти из кабинетов министров непосредственно в Белый дом. Уже в начале 70-х годов при президенте возникли новые государственные органы.

Главным из них был Совет по внутренним делам (СВД), которому в этой области были приданы такие же широкие полномочия, как Совету национальной безопасности в сфере внешней и военной политики. Как и в том учреждении, председателем становился сам президент, его заместителем — вице-президент США. В состав Совета по внутренним делам вводились на этот раз все министры, кроме государственного секретаря и министра обороны, а также автор доклада о реорганизации правительства Эш. Исполнительным директором СВД, то есть фактическим распорядителем всей внутренней политики в стране, становился помощник Никсо-

на, его бывший адвокат Дж. Д. Эрлихман.

Как вскоре обнаружилось, Эрлихман, действуя из Белого дома, сосредоточивал в своих руках огромную власть. Ни одно важное министерское решение по вопросам внутренней политики не обходилось без его санкций; самые важные решения принимались по его указанию. Как и распорядителя Совета национальной безопасности, Эрлихмана начали называть серым кардиналом при президенте. Впоследствии Эрлихман, замешанный в Уотергейтском деле, был снят со своего поста и приговорен к тюремному заключению.

Такая же концентрация власти за пределами кабинета была затем принята в области экономики. В декабре 1972 года при президенте США был создан Совет по экономической политике, к которому переходило высшее руководство всеми правительственными делами и учреждениями в этой сфере. Во главе Совета становился близкий советник президента, он же министр финансов Джордж П. Шульц, заявивший в газете «Вашингтон пост», что его полномочия «в некотором смысле» будут сходны с полномочиями специального помощника президента по вопросам национальной безопасности в области внешней политики. В состав Совета по экономической политике вводились директор государственного банка, министр торговли, руководители уже раньше действовавших при президенте Совета консультантов по экономическим вопросам и Совета по вопросам международной экономической политики, ряд других сановников из той же среды и наконец Эш.

Кольцо новых верховных органов смыкалось. Теперь расширенный аппарат Белого дома непосредственно охватывал уже все четыре главные отрасли государственного управления: внешнюю политику, вооруженные силы, внутренние дела и экономику. Закрытое правительство перекрывало открытое.

Одновременно во главе административного и бюджетного управления при президенте, осуществлявшего верховный финансовый и организационный контроль над государственным аппаратом, был поставлен все тот же вездесущий Эш. В этом качестве он мог отныне участвовать и в работе Совета национальной безопасности. Новый аппарат центральной власти строился как единая система. Но его кадровым резервуаром становилась не обычная среда профессиональных политиков и парламентариев, а сановный «штаб» Белого дома: президентская канцелярия, насчитывавшая к 70-м годам свыше 50 ответственных сотрудников. При этом помощникам и советникам президента уже присваивался ранг министра.

Таковы были главные изменения, произведенные правыми республикан-

цами при Никсоне в верхушке государственного аппарата США. Возникло впечатление, что можно было говорить о своего рода подспудном легальном перевороте. Старое правительство оставалось на своем месте, министры продолжали подписывать бумаги, совещаться и выступать, но по-старому они уже не распоряжались. Как с некоторым изумлением и временами злорадством сообщала американская печать, заседания кабинета посвящались второстепенным вопросам или даже безобидным частным разговорам.

«Большинство членов кабинета — это люди относительно неопытные», — писал тогда в «Нью-Йорк таймс» известный журналист Дж. Рестон. «До сей поры отдельные члены кабинета не часто виделись с президентом», — отмечал нью-йоркский «Нейшнл джорнал», добавляя, что ближайшие сотрудники Никсона игнорируют просьбы конгрессменов и проявляют безразличие к установленному для конгресса протоколу. «Бизнес уик» подтверждал, что сотрудникам президента Холдemanу и Эрлихману «было поручено не допускать к нему большинство лиц из внешнего мира». Сенатор от штата Иллинойс Ч. Перси жаловался на то, что в течение четырех лет не мог добиться приема в Белом доме.

Тогда же американская общественность убедилась в том, что не государственный секретарь США У. Роджерс, а руководитель Совета национальной безопасности, специальный помощник президента Киссинджер командует американской дипломатией и он же, а не министр обороны Лэйрд дает важнейшие директивы Пентагону.

При Никсоне дело доходило до прямого ущемления прерогатив старых законодательных учреждений. Так, например, президентом было наложено вето на законопроект, по которому кандидатуры на пост директора и заместителя директора действовавшего при нем Административного и бюджетного управления подлежали одобрению сената. Конгрессу давали понять, что автор проекта о реорганизации правительства Эш не подчинен парламенту. Близкая к демократической партии газета «Нью-Йорк таймс» указывала: руководитель Совета национальной безопасности приучил «широкую публику к мысли, что то, чего хочет президент, гораздо важнее того, чего требует закон». Та же газета приходила к выводу, что речь идет о создании «сверхкабинета» и о «тенденции к сосредоточению власти в руках привилегированной горстки сотрудников Белого дома». Одним из членов этого «сверхкабинета» Никсон между прочим сделал нынешнего министра обороны США К. Уайнбергера.

Примечательно, что в самом Белом доме такие тенденции еще в на-

чале 1973 года по существу почти не отрицались. «Американцы попросту пресыщены государственной властью на всех уровнях», — многозначительно заявил президент Никсон 25 марта 1971 года в своем ежегодном послании конгрессу, в котором предвещал планы перестройки правительственного аппарата¹. «Пресыщение», разумеется, относилось к старому парламентскому аппарату.

Три года спустя, сообщая о планах перестройки власти, Никсон высказался в печати еще определеннее: «В дни подготовки к третьему столетию существования Америки необходимость оживить и рационализировать федеральное правительство составляет одну из наиболее срочных задач, стоящих перед правительством и конгрессом». Строительство новой внепарламентской верхушки государственного управления (системы штаб Белого дома — Совет национальной безопасности — Совет по внутренним делам — Совет по экономической политике — Административное и бюджетное управление — другие разветвления) продолжалось в Вашингтоне на всех парах. Режим закрытого правительства укреплялся. Не случайно, что его сторонники говорили в этой связи ни больше ни меньше как о «новой американской революции».

Даже когда в феврале 1973 года разразился сенсационный Уотергейтский скандал, непосредственно затронувший Никсона и его окружение, правящие круги в США не отказались от идеи президентского «сверхкабинета». Шум вокруг этого дела вынудил Белый дом уволить наиболее скомпрометированных деятелей своего аппарата, в частности руководителя Совета по внутренним делам Эрлихмана и начальника президентской канцелярии Холдемана. С той поры министрам и конгрессменам в Белом доме стали уделять несколько больше внешнего внимания. Но сама система «незримого» правительства ликвидирована не была; все его учреждения продолжали существовать.

Начальником канцелярии Белого дома вместо Холдемана был в 1973 году назначен заместитель начальника штаба армии генерал А. Хейг, бывший заместитель Киссинджера в Совете национальной безопасности, нынешний государственный секретарь США. Хейгу одновременно было поручено выполнять за президента его обязанности как главнокомандующего вооруженными силами США. Эрлихмана на посту руководителя Совета по внутренним делам сменил М. Лэйрд, бывший министр обороны и член того же Совета национальной безопасности. В американской печати в те дни указывалось, что, будучи министром обороны, Лэйрд «получал приказы от Киссинджера».

Когда Киссинджер в августе 1973 года был назначен государственным секретарем вместо У. Роджерса, он одновременно сохранил свой пост специального помощника президента и распорядителя СНБ. Позиции этого органа, таким образом, не были ослаблены, а еще более укреплены. На это указывало и назначение в 1973 году министром обороны США бывшего помощника президента Дж. Р. Шлезинджера — деятеля, вышедшего из того же аппарата Белого дома.

«Решающая исполнительная власть по-прежнему принадлежит Белому дому», — писала «Нью-Йорк таймс» в июне 1973 года. — Она не в руках кабинета». «Президент Никсон изменил состав действующих лиц, но новые люди все еще работают при старой закрытой системе... Реорганизация не привела к коренным изменениям», — отмечал обозреватель той же газеты Рестон.

Группой самых влиятельных сановников в то время называли «большую пятерку»: государственного секретаря Киссинджера, начальника президентского «штаба» Хейга, начальника Административного и бюджетного управления Эша, члена учрежденного Эшем Совета, бывшего министра военно-морского флота и финансов Коннели и министра финансов Шульца, вышедшего в 1974 году в отставку. Эти лица, помимо своих специальных ведомственных обязанностей, занимали посты помощников или советников президента.

Рычаги высшей власти оставались в руках всемогущей олигархической элиты, не допускавшей к государственному кораблю никого другого.

Это было настолько очевидно, что в Соединенных Штатах в связи с существованием «сверхкабинета» стали открыто говорить о признаках появления некоего замаскированного подобия монархического режима. Ведущая буржуазная газета «Нью-Йорк таймс» 26 мая 1973 года в статье под заголовком «Королевский Белый дом» процитировала, например, следующие высказывания бывшего секретаря президента Джонсона по делам печати Джорджа Риди:

«Белый дом — это двор монарха... Этот факт порождает проблему, которая будет терзать Белый дом, пока президент остается не столько выборным администратором, сколько правящим монархом».

«Никакая страна, — продолжал бывший секретарь президента Джонсона, — не должна допустить, чтобы ею управляли из недоступного простым смертным святилища, которое обладает возможностью узаконить самое низменное властолюбие. Тенденция к возникновению королевского — или даже императорского — Белого дома появилась задолго до того, как туда переехал президент Никсон. Проблемы войны и безопасности отдаляли президента от народа, сделав его в зна-

¹ «Congressional Records», 25.III.1971, pp. H92—H95.

чительной степени зависимым от милости царедворцев и льстецов.. Президент Никсон санкционировал новый «королевский» стиль президентского управления как обдуманную политику. Этот стиль стал включать в себя управление государством путем неожиданных указов; подмену полномочий надлежащих правительственных ведомств и кабинета министров властью «личной гвардии» президента; тенденцию не показываться на людях, за исключением торжественных случаев; символический обмен рукопожатиями с избранными представителями черни... Даже множество резиденций президента напоминает многочисленные резиденции всякой уважающей себя королевской семьи...

В такой атмосфере не удивительно, что люди, служащие президенту, стали видеть в себе не государственных служащих, а приказчиков своего хозяина.. Демократия не может терпеть подобной монархии в демократической республике — монархия несет ей гибель. Важнейшая задача сегодняшнего дня заключается не в том, чтобы заменить прощтрафившихся придворных другими, а в том, чтобы устранить концентрацию власти в руках президента, которая стала представлять собой угрозу конституции». Интересно, что еще за неделю до опубликования этих многозначительных высказываний в «Нью-Йорк таймс» во влиятельном лондонском журнале «Экономист» появилась статья на ту же тему о президентском режиме в Вашингтоне под заголовком «Двор Ричарда III». 9 мая 1973 года «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье указывала на «безумно раздутую доктрину привилегий исполнительной власти».

Такие высказывания в солидной буржуазной печати нельзя было просто расценивать как журналистские преувеличения. Процитированный в «Нью-Йорк таймс» автор сам был свидетелем того, что описывал. Факты подтверждали, что действительно можно было говорить о стремлении правящей республиканской партии к чему-то вроде своеобразной «монархии» монополистического капитала под флагом законсервированной буржуазной республики.

Подобные же тенденции отчетливо проявлялись в Вашингтоне и позднее, годы спустя после ухода Никсона из Белого дома — при президенте Картере, правившем уже от имени демократической партии. В 1980 году, например, не члены официального кабинета решали все важнейшие вопросы американской политики, связанные с событиями в Иране и Афганистане. Не глава государственного департамента С. Вэнс, а руководитель СНБ З. Бжезинский день за днем определял политику страны в критический момент, что в конце концов вынудило Вэнса подать в отставку и выступить публично с заявлением, равно-

сильным протесту. Не было никаким секретом, что президент неизменно делал то, что предлагал Бжезинский. Большинство министров даже не участвовало в заседаниях СНБ.

В результате всех этих мероприятий в Соединенных Штатах и возник тип закрытого правительства, о каком тут в прошлые времена — например, еще при Рузвельте — и не думали.

Это правительство, основная деятельность которого почти целиком скрыта от общественности.

Это правительство, при котором старый парламентский механизм управления государством фактически оттесняется на второй план, хотя и сохраняется для поддержания видимости буржуазной демократии. Когда речь идет о ключевых проблемах политики и экономики, парламент на деле уже не решает, а только санкционирует. Республиканская конституция не устранилась, а обходится. В то же время аппарат буржуазных партий для ловли избирателей остается неприкосновенным.

Это правительство, члены которого произвольно подбираются из монополистических кругов, формально подчинены только президенту и действуют через головы официальных министров. Ядро планирующей и приказывающей власти перемещается из министерств, руководители которых в большинстве превращаются в простых исполнителей решений подлинного засекреченного центра (Совета национальной безопасности, Совета по внутренним делам и т. д.). Каждое государственное ведомство контролируется теперь через такое закрытое правительство представителями монополистической олигархии непосредственно, в обход парламентских инстанций.

Короче говоря, это правительство, существование которого равносильно скрытой диктатуре монополистической олигархии, режиму замаскированного государственно - монополистического абсолютизма. В этом и состоит та «обдуманная политика», о которой писала «Нью-Йорк таймс».

Правда, автократизация аппарата государственной власти в Вашингтоне не означала в дальнейшем ослабления соперничества между двумя буржуазными партиями за главенство над этим аппаратом, в частности за посты президента и вице-президента. Но все же создание «сверхкабинета», то есть закрытого правительства в Вашингтоне, было началом явного разрыва с элементарными принципами буржуазной демократии. Примечательно, что это довольно отчетливо отражалось в идеологических высказываниях ряда представителей современной американской буржуазии. «Уже сейчас буржуазные теоретики, такие, как Г. Кан, У. Браун, Л. Мартел, — писал в 1979 году профессор Л. Сковорб в «Правде», — прямо говорят об «обесценении» традиционных общественных идеалов,

о возможности того, что некоторые демократии обретут скорее авторитарный, чем парламентский характер. Они заявляют... что можно предотвратить возникновение всемирного законодательного органа, основанного на принципе «один доллар — один голос». Таковы представления буржуазных теоретиков о конкретных путях и судьбах «свободы» и «демократии» в современном мире» («Правда», 26.X.1979).

Кто же в США в свое время дал толчок к проведению этой «реформы»?

3

Конечно, создание Совета национальной безопасности было предпринято прежде всего с целью усовершенствования машины американского империализма. Но в то же время это был решительный шаг со стороны правого крыла республиканской партии с целью закрепить свой собственный контроль над этой машиной в обход установившихся конституционных порядков. Мероприятия Никсона и Эша служили долгосрочным намерениям калифорнийской финансовой и военно-промышленной олигархии, считавшей, что она останется у власти на долгое время, останется и после того, как Никсон уйдет из Белого дома.

Не случайно, что главная работа по реорганизации государственного аппарата была, как мы видели, поручена Рюю Эшу, самому активному и компетентному среди правых республиканцев, совладельцу одного из ведущих калифорнийских военных концернов. Эш, тогда же введенный в состав СНБ, и стал одним из «серых кардиналов» за спиной Никсона. Большинство других сановников, включенных в реорганизованный государственный аппарат, принадлежало к тому же кругу.

Верно, что после изгнания Никсона из Белого дома в августе 1974 года и тем более после прихода к власти в 1977 году кандидата демократической партии Дж. Картера правым республиканцам пришлось временно отступить. Но хотя руководители Совета национальной безопасности при премьерах Никсона Киссинджер и Бжезинский были лично связаны не с калифорнийской группой, а с «умеренными» республиканскими миллиардерами Рокфеллерами, СНБ под их управлением продолжал идти по тому же пути.

Правые республиканцы и в этот период непрерывно настаивали на всемерном обострении антисоветской политики, саботируя ратификацию заключенного в 1979 году советско-американского договора ОСВ-2 об ограничении стратегических вооружений, требуя дальнейшего предельного наращивания американской военной техники. И как только к власти в Вашингтоне пришел их ставленник Рей-

ган, Совет национальной безопасности был немедленно мобилизован для проведения запланированных новых антисоветских авантур.

Помощником президента по делам национальной безопасности был сначала назначен Ричард Аллен — «специалист по советским делам», который еще при Никсоне занимал один из высших постов в СНБ и был также одним из основателей так называемого Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете иезуитов в Вашингтоне. В официальных сообщениях по случаю назначения Аллена не упоминалось, что институт этот был ответвлением дипломатической школы, основанной еще в 20-х годах известным антисоветским фанатиком-иезуитом патером Эдмундом Уолшем. В «Вашингтон пост» было, однако, отмечено, что организация эта все еще считается «центром разработки антикоммунистической политики, враждебной разрядке». Она действует и в качестве «мозгового треста» республиканской партии. Аллен одно время также руководил довольно темной вашингтонской фирмой «Потомак интернейшнл корпорейшн». Он же был членом антисоветского «Комитета по существующей опасности».

Уже в январе 1982 года Аллену пришлось уйти в связи с выдвинутыми против него обвинениями в получении «подарков» от японских дельцов, а на его место в СНБ был назначен Уильям Кларк — заместитель Хейга в госдепартаменте и личный друг самого Рейгана еще по Калифорнии. Тем самым по существу ничего не менялось. Предположения, что уход Аллена может ослабить позиции Совета национальной безопасности, были ни на чем не основаны. Сделав своего человека (и опять-таки человека Рейгана!) рулевым СНБ, Хейг, в свое время лично участвовавший в этой организации, просто-напросто упрочил свои собственные позиции. Но сам закрытый механизм власти в Вашингтоне не был затронут и оставался под непосредственным контролем все той же калифорнийской олигархической группы. Внешняя политика Соединенных Штатов могла вновь в конечном счете диктоваться из Сан-Франциско. Этим и объясняются выходящие за пределы нормы авантюристические действия США, тревожащие в 80-х годах мировую общественность.

Конечно, дело не просто в особых интересах и планах калифорнийских и техасских мультимиллионеров. В чем — если ставить вопрос шире — общие причины возникновения «второго», в действительности же первого по фактическому значению и функциям правительства в США, существующего уже 34 года?

Углубление общего кризиса капитализма не заставит монополистическую буржуазию безоружной. В по-

следние десятилетия ее руководители, как известно, прилагают все усилия к тому, чтобы найти выход из положения — ослабить кризис, заново утвердить свою власть над обществом, потуже закрутить гайки в механизме своего государства. Меняются методы, придумываются разнообразнейшие новые способы укрепления капиталистической системы. В главной стране капиталистического мира США особое внимание в ходе этих мероприятий уделяется реконструкции аппарата высшей государственной власти.

Под прикрытием якобы чисто административных реформ и создается новый тип буржуазного правительства в организационном отношении: правительство, основная деятельность которого фактически не подвержена никакому общественному контролю. Как мы видели, целый ряд фактов подтверждает, что американский капитализм в наше время последовательно идет по такому пути.

Намерения тех, кто предпринимает эти меры, вполне очевидны. Старая организационная система высшего государственного управления, унаследованная от основателей США и их преемников, уже не может удовлетворять современный монополистический капитал; она его связывает. Обострение классовой и национальной борьбы внутри страны порождает у государственных деятелей стремление к предельному ограничению буржуазной демократии. Разрастание классовой борьбы на международной арене побуждает ту же монополистическую буржуазию к сугубому засекречиванию всех важных военно-стратегических и внешнеполитических операций правительственных органов. Обострение экономического кризиса в свою очередь толкает монополию на такую перестройку высшей государственной власти, при которой перекачка максимально высокой доли национального дохода в их кассы была бы обеспечена и впредь, несмотря на возрастающее сопротивление народных масс. Научно-техническая революция наконец, выдвигающая перед капиталом все новые и все более сложные производственные, рыночные и социальные проблемы, также побуждает его руководителей к установлению неограниченного, самовластного контроля над жизнью страны.

Все это ведет к определенным последствиям. Старый, зависящий от парламентских учреждений правительственный механизм по плану «реорганизаторов» остается, но отодвигается на задний план. Маскируя свои намерения стремлением к повышению его «эффективности», монополистическая олигархия шаг за шагом накладывает на него другой механизм.

Главное при этом, что скрытое правительство страны составляет не просто из представителей правящей буржуазной партии, высокопоставленных сановников, заслуженных бюро-

кратов, а из специально отобранных уполномоченных высшего слоя монополистического капитала. Тем самым в стране негласно вводится в действие своего рода неписаная конституция — монополистическая конституция, фактически сменяющая старую буржуазную демократию.

Исключать, что со стороны определенных буржуазных кругов в США, в частности со стороны либерально настроенных деятелей в конгрессе, будут делаться попытки устранить режим «сверхкабинета» и вернуться к старому порядку, тем не менее, разумеется, нельзя. Удадутся ли эти попытки, зависит, очевидно, не столько от конгресса, сколько от роста прогрессивных общественных сил в США.

Характерно, что идея закрытого правительства в буржуазной республике возникла прежде всего в Соединенных Штатах — ведущей капиталистической стране. Повлияет ли инициатива американской монополистической буржуазии на устремления монополий в других странах, сказать трудно. Несомненно, что в странах, где к власти часто приходят социал-демократические и социалистические партии, положение для монополистов сложнее. Ясно только, что углубление общего кризиса капитализма и обострение классовой борьбы толкает крупную буржуазию во всем мире именно на замаскированную авторитаризацию своей государственной власти. Но остановить кризис капитализма не в состоянии и такая политика. В какой-то момент она может только его обострить.

В настоящее время рычаги закрытого государственного аппарата в США находятся в руках самой агрессивной империалистической группы американской монополистической буржуазии. На первый взгляд средства, которыми она обладает, кажутся огромными, силы почти неограниченными. Но внимательный взгляд четко обнаружит, что путь, по которому она несетя, ведет к обрыву.

И с политической, и с экономической, и наконец с военной точки зрения все определенно говорит за то, что агрессивные планы «незримого правительства» Соединенных Штатов обречены на провал. Уже в 1981 году те же планы возбудили против себя в Западной Европе и других районах мира такие силы, с какими Соединенные Штаты еще *никогда* не сталкивались. Столь мощных, массовых антивоенных демонстраций, как в 1981 и 1982 годах, Западная Европа раньше не видела.

Не десятки тысяч, а миллионы людей в разных городах капиталистических стран, людей всех национальностей, профессий и возрастов, выходят на улицы в одном строю, плечом к плечу: коммунисты, социалисты, либералы, беспартийные, христиане. Идут спокойно, сплоченные единой

волей и едиными лозунгами: «Нет нейтронной бомбе!», «Нет ядерной войне!» Чем такое всенародное антиядерное восстание грозит главному союзнику Пентагона — НАТО?

Известный американский дипломат и историк, бывший посол США в Москве Дж. Кеннан писал по этому поводу: «Усиление антиядерного и антивоенного движения в США и в Западной Европе — наиболее поразительное явление начала 80-х годов. Все это производит еще большее впечатление потому, что происходит преимущественно стихийно... Бесполезно пытаться, как это делают некоторые правительства, навешивать на антивоенные выступления ярлык «вдохновляемых коммунистами». В значительной степени это движение является реакцией на негативный и бесперспективный характер политики «холодной войны», проводимой Соединенными Штатами...»

Видный английский общественный деятель, старейший лейборист лорд Брокуэй заявил по тому же поводу: «Движение сторонников мира набирает все большую силу, в него включаются политические партии, проф-

союзы, деятели церкви, миллионы простых людей».

Автор этой статьи принадлежит к старшему поколению. Он помнит, как начинались обе мировые войны. И в 1914 году, и в 1939 году империалистические правительства делали что хотели, не заботясь о мнении народов. Рядовые люди не участвовали в решении своей судьбы. Сейчас не слышать голоса масс не может даже президент Рейган. Правда, он и его приближенные могут делать вид, что не слышат. Но будет ли это реальной политикой?

Ведь решают не только ядерные ракеты, военные базы, военные блоки, миллиарды долларов. В 80-х годах решают и рядовые люди. А хотят ли рядовые люди — американцы и европейцы — сегодня идти на верную смерть ради интересов калифорнийского большого бизнеса и карьеры лидеров правого крыла американской республиканской партии?

Нет, подсчет соотношения сил в мире теперь убедительно говорит против нынешней политики Белого дома и СНБ — «незримого правительства» США.

ISSN 0321-1878

Звезда

Звезда

6
1982

6
1982

СОДЕРЖАНИЕ

Елена РЫВИНА. Стихи о Родине	3
Вадим ШЕФНЕР. Лачуга должника. <i>Роман</i>	4
Борис СЛУЦКИЙ. Из давних тетрадей. <i>Стихи</i>	146
Элида ДУБРОВИНА. Ленинградский салют. В тростильном цехе. Петровский остров. Все мне дорого здесь... <i>Стихи</i>	148
Георгий ГУЛИА. Два рассказа	150
Сырбай МАУЛЕНОВ. Здравствуй, волховский лес! Мой полк. Сивьянская высота. Словно пробужденная от сна... Камень-дева. <i>Стихи. Перевод с казахского Б. Кежуна и А. Чепурова</i>	159

ПУБЛИЦИСТИКА

К 100-летию Георгия Димитрова

Иван МАТЕЕВ. Страницы великой биографии	161
П. САФОНОВ. Комсомольск — судьба моя	165
Эрнст ГЕНРИ. Незримое правительство США	177

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

И. АЛЕКСАХИНА. «Сын земли, ее солдат...» (К 60-летию Анатолия Чепурова)	186

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК

Р. МЕССЕР. Искусство быть другом	192

КРИТИКА

Николай КРЫШУК. За гранью изведенного сюжета (Заметки о молодых ленинградских прозаиках, пишущих для детей)	195

СРЕДИ КНИГ

Николай Коняев — Г. М. Пращкевич. Курильские повести. □ Л. Шишко — Герман Гоппе. Солдатская память. □ Светлана Анисимова — Ованес Шираз. Памятник матери. <i>Стихи и поэма. Перевод с армянского.</i> □ Всеволод Азаров — Антанас Дрилинг. Притяжение пространства. <i>Стихи и поэмы. Перевод с литовского.</i> □ Дмитрий Эльяшевич — Баловни судьбы. Три скандинавские повести.	207

90 коп.

Индекс
70327

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

